

*Посвящается всем моим друзьям,
которые узнали себя в персонажах
этой повести.*

Сотрудник представительства внимательно разглядывал мою анкету:

«Каретин Андрей Геннадиевич, место рождения Москва, Россия; образование: планетологический факультет университета Рипата, Вента; место работы: Галактическая планетологическая Академия, Таэр, Веор; цель поездки: этнографические исследования...»

— Так Вы землянин или гражданин Галактической Федерации?

— И то, и другое одновременно. У меня двойное гражданство.

— Но все-таки, по происхождению Вы землянин. Поэтому Вам придется пройти психологическое тестирование, обязательное для всех землян, желающих посетить нашу планету.

— Не имею ни малейших возражений. Одна маленькая просьба...

— Какая?

— Разрешите заснять процедуру тестирования на видеокамеру. Поскольку я собираюсь изучать именно земных колонистов, информация о входном фильтре может мне существенно помочь.

Чиновник поднял слегка удивленные глаза от моей анкеты. В течение примерно минуты царило напряженное молчание, потом он наконец произнес:

— Пожалуйста...

Я мысленно отметил про себя, что решения они приучены принимать самостоятельно, и достаточно оперативно.

— Можно вопрос вне протокола? Вы сами — землянин, потомок колонистов или местный житель?

— Я — адан в третьем поколении. Первое время наша миссия, естественно была вынуждена пользоваться услугами наемных специалистов из землян, но последние тридцать лет она комплектуется только уроженцами нашей планеты.

Я распрощался с этим сотрудником и прошел в комнату психологического тестирования. Сидевшая там девушка, украшенная пышной копной рыжих волос, вперила в меня удивленные голубые глаза сразу же после беглого взгляда на мою анкету.

— Андрей Каретин из университета Рипата? Вы кажется становитесь специалистом по взаимоотношениям землян с Маленьким Народцем... Я читала Вашу работу по планете Вондервуд.

— Ну, не совсем так... Я специализируюсь по переселенческим цивилизациям, и не сказать, чтобы родная Земля предоставляла мне богатый материал. Что же касается эльфов и иже с ними, то когда мне попадется третья планета, на которой земные колонисты сосуществуют с фэйри, я начну делать какие-то выводы. Тем более что случай Вондервуда, где так называемые «эльфы» — отколовшаяся ветвь земных колонистов, и ваш случай, когда коренная раса планеты, фэйрис, была известна Галактической

Федерации лет за пятьсот до того, как земляне вышли в Космос, на первый взгляд не имеют ничего общего. А почему Вам так запомнилась моя работа? Обычная дипломная работа по этнопланетологии, каких в одном Рипате каждый год защищается штук пятьсот.

— Ну, знаете ли, человек, занимающийся отбором колонистов, вынужден кое-что знать о переселенческих цивилизациях, как Вы их называете. А доступных работ так мало. Фактически Ваша работа по Вондервуду — первое, что попало мне на материале земных колонистов.

— Зато есть колоссальный материал по вентийским колониям, Хельмуту, и самой Венте. Начиная с классических работ Физла Артроэ. А веорицфы пятой эпохи, заселявшие Венту, да и современные вентийцы не слишком отличаются психологически от землян.

— Да, но читать их работы... Хорошо Вам, пять лет проучившемуся в Рипате. Вы наверное, знаете барлийский не хуже родного. А мне, без культурного бэкграунда Федерации, понять где здесь сокровенный смысл, а где артефакты машинного перевода, достаточно тяжело.

— Но ведь есть же материалы психологических исследований по другим земным колониям.

— Они как правило засекречены спецслужбами тех стран, которые эти колонии основывали. Даже UNSP¹ не публикует результатов в открытой печати, ссылаясь на тайну личности. Земля, для человека, воспитанного на другой планете, кажется каким-то гадюшником. Эти ископаемые правительства, которые цепляются за давно уже бесполезное при интегрированной экономике понятие государственной тайны, эти люди, способные прожить всю жизнь в одной квартире, и так и не познакомиться со своими соседями по лестничной клетке, Сеть, в которой без 512-битной криптографии у тебя даже пароля не спросят... Вас, как человека, прожившего много лет на более цивилизованной планете, это не ужасает?

— Расстраивает, может быть, но не ужасает. Все планеты, которые играют заметную роль в Галактике, проходили через стадию гиперурбанизации в сочетании с отрицательным психологическим фоном. У нас эта стадия несколько затянулась из-за принятого сто двадцать лет назад решения не поддерживать торговых отношений с Федерацией, отмененного лишь недавно. Ведь основным импортным товаром были бы идеи. Мне, конечно, не нравится, что Галактика считает нас опасными варварами, которых следует допускать к общению с цивилизацией осторожно и с разбором. Но лучше быть опасными варварами, чем безопасными чудаками типа Соадеры или Везды. Кстати, по-моему, именно к этому классу были в свое время отнесены ваши фэйрис, хотя они и отказались вступать в Федерацию. Но вообще, по-моему, я пришел сюда не для того, чтобы вести ученые беседы на тему сравнительной психологической этнологии.

— Вы считаете, что из такой беседы я не смогу почерпнуть достаточно информации о Вашем психотипе?

---

¹United Nations Space Program — влиятельная международная организация тех времен, занимавшаяся космическими исследованиями. — *Прим. автора*

— Вы — может быть, но я — явно недостаточно узнаю о методиках тестирования и критериях отбора. Я-то надеялся прежде чем заняться изучением земных колонистов на вашей планете, или аданов, как вы себя называете, узнать кое-что о том срезе многомиллиардного населения Земли, который вы взяли в качестве базы. Вы ведь явно подходите к подбору колонистов более научно, чем, скажем, администрация колонии Вондервуд. И вряд ли беседа с каждым кандидатом на близкие ему профессиональные темы является основным способом отбора. На это ведь никакой эрудиции не хватит, да и вряд ли лица свободных профессий — основной ваш контингент.

— Нет, почему же, интеллигентов как раз очень много, особенно из России и Франции. Мы ведь рекламируем нашу колонию в таком руссоистском духе — «Возврат к Природе» и все такое. К сожалению, большей части из них мы вынуждены отказывать. Как раз потому что они совершенно не приспособлены к жизни за пределами современного земного города. Доить корову кое-кого из них, может быть еще и можно научить, но вот научить их, что корову нужно доить каждый день в шесть утра...

Из англосаксонских стран идет совершенно другой народ — мальчики и девочки, воспитанные на Киплинге и вестернах. Таким тоже по большей части приходится отказывать, поскольку они готовы переделывать мир под себя, а не жить в нем таком, какой он есть.

— Значит, они плохо читали Киплинга. — усмехнулся я. — Вообще, англосаксонский колонист, особенно пресвитерианин, это что-то ужасное. Из любого места в Галактике норовит Новую Англию сделать. Видел я такое на Вондервуде. Кстати, а как на «проходном балле» сказывается религиозная принадлежность кандидатов?

— Убежденным пресвитерианам действительно часто приходится отказывать. Впрочем, англикане не лучше. Лучше, как ни странно, католики и православные — они почему-то психологически гибче. Мелкие секты — хуже. Вот только русские старообрядцы — практически стопроцентный прием. Только вот их крайне мало среди кандидатов. Зато толпой ломаются экстрасенсы, любители летающих тарелочек и последователи прочих новомодных учений. И, обычно, безрезультатно. Кстати, Вы верите в экстрасенсорику?

— Еще бы мне в нее не верить, если именно из-за нее я чуть не завалил сессию на втором курсе. Просто потому что преподаватели еще не понимали, как учить этому землянина. Зато на третьем — был одним из первых на курсе. Вы бы еще спросили, верю ли я в существование протонно-лучевого оружия. Его на Земле тоже вроде не делают.

— Такого подхода я еще не встречала...

— И все-таки, Вы перечислили основные конфессии христианства, и прочие верования европейцев. А где остальные мировые религии? Или вы стремитесь к стопроцентной расовой чистоте?

— Нет, почему... Просто сейчас колонизация идет в основном в умеренных областях планеты. Поэтому мы берем немного арабов, да и только. Один раз взяли большую группу калмыков, но только потому, что они пришли сразу в пятидесятером. Если не в расизме, то в сегрегации нас обви-

нить можно — мы стремимся чтобы колонисты сохраняли свою культуру, особенно те ее аспекты, которые на современной Земле сохранить почти невозможно. Поэтому мы не очень жалуем одиночек тех национальностей, общины которых у нас еще не сложились. А вот некоторые племена американских индейцев и малые народности Сибири мы выгребли почти подчистую еще на самой заре колонизации. Что удивительно, никто на Земле их исчезновения не заметил.

Тут она взглянула на экран своего монитора.

— Ой, что-то я с Вами заболталась, а у двери уже очередь образуется. — Она быстро подписала мои бумаги. — Естественно, вердикт положительный.

— А можно поприсутствовать на тестировании следующего кандидата?

— Нет, что Вы, это будет меня отвлекать.

— Ну хоть видеокамеру оставить? Вечером я за ней зайду.

— Ну... — она замялась. — Оставляйте. У Вас уже есть вполне положительная репутация по поводу так любимой землянами личной тайны.

* * *

Я обратил внимание на Синтию в кают-компании корабля далеко не в первый день полета. Вернее, это она обратила на меня внимание — ей стало скучно общаться с дамами-переселенцами, и она решила поискать себе собеседников поинтеллектуальнее. Таковых, если не считать офицеров экипажа, тщательно избегавших общения с пассажирами, особенно с их прекрасной половиной, в кают-компании наблюдалось двое — я и Дик Ховер.

Дика я заметил несколько раньше чем она, и достаточно активно искал его общества. В конце концов, я отправлялся на эту планету изучать её, поэтому общество аборигена, тем более аборигена образованного, было гораздо интереснее общества завербованных колонистов.

Дик, конечно, не был аборигеном в полном смысле слова. Аборигенами были таинственные фэйрис, встретить которых за пределами их родного мира нереально. А Дик был всего лишь колонистом во втором поколении. Он родился и вырос на берегах Белого Озера, в северной части Средних Земель, и, став летчиком, облетал на хрупких легких самолетах все двадцать семь «царств» Средних Земель, и кое-какие области Заморья.

Зачем его понесло на Землю, ума не приложу. С тех пор как земляне стали более-менее тесно общаться с Федерацией, у всех земных колоний есть вполне приличная связь, и можно было вытащить все, что необходимо из Сети, не покидая родной планеты, но вот человек потратил два месяца на полет туда, два месяца на полет обратно, и в течение нескольких месяцев рылся в пыльных бортжурналах Черевичного, Бэрда и других великих летчиков XX века. Что он там нашел, он так и не смог мне объяснить.

Но видимо есть что-то общее между полетами над Сибирью и Канадой в XX веке и полетами над почти незаселенными Средними Землями в XXIII.

Но вернемся к Синтии. Она подседа за наш столик с чашечкой кофе в тот момент, когда мы спорили о чем-то жизненно важным для нас обоих, типа

преимуществ винтового биплана перед гравишлюпкой при аэровизуальных наблюдениях, и в течение нескольких минут перевела разговор на тему, в которой надеялась продемонстрировать своё превосходство над нами.

Мы, молча переглянувшись, дали ей такую возможность. Хотя, пожалуй, поведи мы себя по-другому, ей не удалось бы одержать такую легкую победу. Все-таки, тема, которую избрала она — отношение экипажа к пассажирам-колоницам, известна нам обоим — мне, как планетологу, и Дикю, как почти коллеге «межзвездных извозчиков» практически изнутри. Но, при первом знакомстве, Синтия вызывает у мужчин, считающих себя взрослыми, почти отеческие чувства — невысокая, неброско одетая девушка, страстно желающая самоутвердиться интеллектуально.

К тому же и для меня, и для Дика, девушка, записанная в судовой роли как колонистка, вызывала мысль о неудачнице, попытавшейся начать все заново. Впрочем, я почти сразу заподозрил, что она не та, за кого себя выдает.

Дик оставался в неведении несколько дольше. А я постепенно перевел разговор с простых и понятных земных космонавтов на гораздо более интересных сотрудников иммиграционной службы, которые заставляли всех желающих попасть на Арду (уф, наконец я произнес это слово как название реального космического тела!), будь то кандидаты в колонисты или праздничношапачающиеся исследователи вроде меня, проходить достаточно странные психологические тесты.

— Первым делом я попросил у них разрешения заснять все это дело на видеокамеру, — рассказывал я о своем опыте общения с ними. — Это повергло их в некоторый шок. Пришлось объяснить им, что знание процедуры отбора сильно поможет мне при изучении этнографии колонистов.

— Так им и надо, — захлопала в ладоши Синтия. — Спрашивают черт-что, и даже не говорят, что на самом деле пытаются выяснить. Зарезали пятерых наших лучших агентов...

— И в результате на задание пришлось отправлять некую Синтию Пеппер, которую даже не успели научить азам оперативной работы.

Синтия поперхнулась своей следующей репликой. Дик с нескрываемым удивлением смотрел на нас обоих.

— Не стоит так волноваться. Неужели ты думаешь, что человек с планетологическим образованием неспособен в три реплики расколоть агента секретной службы с планеты начала Астрального периода? Тем более не совсем профессионала. Признавайся, кем ты работала в своей МИ-6 — техником-дактилоскопистом, библиотекарем или...

— Системным администратором... — совсем смутилась она.

— Ладно, не расстраивайся. Во-первых, я знал, что на корабле есть агент одной из земных секретных служб. Иначе бы меня тут не было. Потому что ГПА заинтересовалась этой планетой только после того, как ваше правительство запросило у нас все данные по ней. Потом я угробил кучу машинного времени на анализ процедуры тестирования, поэтому вполне представлял себе, какой психологический тип должен иметь человек, который сможет сначала попасть на работу в МИ-6, а потом пройти эти тесты. Соот-

ответственно, вычислить тебя было несложно. Но вообще, мы скорее союзники, чем соперники. Тебя ведь послали выяснить, что это за такие странные фэйрис, которые, когда их планета была открыта экспедицией UNSP сто с лишним лет назад, приняли земных колонистов с распростертыми объятьями, и не собираются ли они употребить их на мясо или что-то в этом роде.

Дик сидел с таким выражением лица, как будто он сейчас даст мне в морду.

— Извини пожалуйста, Дик, — я не хотел оскорбить твоих чувств. Просто ни один аналитик секретной службы не может быть настолько лишенным паранойи, чтобы не подумать чего-нибудь эдакого, зная что все в Галактике в общем-то чужаков не любят.

— Да, Дик, — вмешалась Синтия. — а как все-таки устроены отношения между людьми и фэйрис? И почему одна мысль о том, что они могут задумать что-то дурное, вызывает такую реакцию? Подозрительно это что-то.

— Ну, это трудно объяснить, — замялся Дик. — Первое поколение этого вообще никогда не понимает. А для нас, выросших рядом с фэйрис, попытка приписать им злые намерения — все равно, что обвинить в дурных намерениях, ну скажем, весну...

— Можно подумать, что ты этого никогда не делал, — рассмеялся я. — например, вырвав по раскисшему грунтовому аэродрому.

Обезоруженный Дик улыбнулся.

— Так вот, когда земное начальство заинтересовалось этой планетой (когда же я наконец научусь спокойно употреблять ее имя?!), наше начальство тоже забеспокоилось. Как это так — была планета, открытая еще пятьсот лет назад, с цивилизацией, с положительным психологическим фоном, заметим, но в Федерацию вступить отказавшаяся, и тут выясняется что она уже почти сто лет сотнями тысяч, если не миллионами принимает колонистов из одной из самых агрессивных молодых цивилизаций Галактики. Вот меня и отправили разбираться, не нуждаются ли мирные фэйрис в защите от хищных землян.

— Так значит цели у нас противоположные? — прищурилась Синтия.

— Почему же? И твоя и моя задача — разобраться, что там происходит на самом деле. А происходит там что-то странное и аналогов не имеющее. Во-первых, критерии отбора иммиграционной службы. Они смотрят в основном на то, умеет ли человек очеловечивать окружающую природу. Как правило отвергают агрессивных, но принимают упорных и тепло относятся к романтикам. Во-вторых, интересна формулировка, с которой фэйрис отказались пятьсот лет назад вступать в Федерацию.

— Какая же?

— «Мы не можем пока выступать от имени всей планеты. Мы не её хозяева, мы её хранители. Мы не можем принять такое решение без голоса тех, кто придет позже». А позже пришли земные колонисты.

— Тем не менее, будущим колонистам всячески внушают, что они не будут хозяевами земли. Они будут ее всего лишь арендовать у фэйрис.

— Дик, а что происходит на самом деле?

— Ну... — задумался Дик. — В основном люди живут сами по себе, а фэйрис — сами по себе. Но такое впечатление что там где есть люди — им лучше...

Синтия подозрительно покачала головой.

— Еще очень интересна сама планета. — добавил я. — Не должно быть у этой звезды планеты класса Q-13K. Где-то Q-13D-Q-13E, то есть по земной классификации примерно Силлурийский период. А там, по данным экспедиции Реагала, растут леса из высших растений и обитают многочисленные млекопитающие и птицы. Не говоря уж о трех-четырех разумных расах, которые описаны Реагалом.

— Что-то мало, — после секундной задержки высказался Дик. Существует как минимум шесть народов фэйрис.

— А как максимум? — поинтересовалась Синтия.

— Кто знает... Земные колонисты освоили в основном умеренные широты. Но мы знаем, что обитатели тропических лесов и саванн совсем не похожи на наших эльфов. Сами фэйрис наверняка знают точно, но считают это своим внутренним делом. Мне приходилось встречаться с эльфами, гномами, йотунами, наядами, джиннами и ракшасами, но есть ли еще кто-нибудь, непохожий на них — не знаю.

— Названия хороши, — заметил я. — Особенно, йотуны и ракшасы. Фэйрис не обижаются, когда земные колонисты приклеивают им такие названия?

— По-моему, они сами себя так называют. Вообще, мне действительно не приходило в голову, что в земной мифологии это названия злых существ. Может быть потому что существа, которых в книгах называют эльфами, тоже совершенно не похожи на тех эльфов, которых я знал с детства.

* * *

В иллюминаторах корабля неторопливо поворачивалась бело-голубая громада планеты.

«Чорт бы побрал эту допотопную земную технику, — думал я, по которому разу подтягивая застежки рюкзака. — Нормальный пассажирский корабль где-нибудь в Федерации давно бы пробил атмосферу и стоял бы уже на летном поле, выпуская народ через все имеющиеся люки. А тут болтайся на орбите и жди неизвестно каких челноков».

Наконец, объявили посадку. Как ни странно, все пассажиры громадного корабля уместились в один маленький челнок. Набилось нас там, правда, как сельдей в бочку. Честное слово, я видел поезда метро, вмещавшие меньше народу на квадратный метр, чем это, с позволения сказать, космическое транспортное средство. Обзора из пассажирского салона считай что не было. Может быть из кресла у окна и можно было чего увидеть, но это место, естественно, захватила Синтия. Впрочем ее можно понять. Она в первый раз в космосе, а я, что, планет класса Q-13 не видал.

Челнок коротко ударил двигателями и пошел на снижение. Что это у него за глиссада такая? Остров Авалон, куда, судя по всему, мы должны

попасть, находится от нас почти на противоположной стороне планеты. А нас уже начинает прижимать к креслам. Ага, понятно. Они таки применяют на практике траекторию «падающий лист» — погасили немного скорость в атмосфере — пошли обратно в вакуум, остывать. И так пока не надоест. Достану компьютер, чего-нибудь почитаю. Поскольку меньше двух часов эти американские горы продолжаться не будут.

Впрочем, сосредоточиться на чтении, когда рядом сидит девица, испытывающая подобное приключение в первый раз, достаточно малореально. То, понимаете-ли, заря нетривиального цвета, то языки пламени, вернее плазмы, от торможения в иллюминаторе, то внизу что-то видно наконец стало. И еще обижается когда я поднимаю на нее от текста на экране равнодушный взгляд.

Другую бы на «падающем листе» давно бы укачало до бессознательного состояния, а Синтии хоть бы что. И где только МИ-6 таких находит?

Впрочем, пора прекращать ворчать. Даже про себя. А то если у них на таможене есть что-то типа тех психологических тестов, меня немедленно выкинут обратно в космос.

Тем временем мы уже успешно прошли «падающий лист» и идем на ближнем сверхзвуке на высоте километров пятнадцати над морем. Остров Авалон уже прекрасно виден впереди (если наклониться и совсем придавить Синтию к стенке. Впрочем, как раз такое поведение ей кажется совершенно естественным для момента первого знакомства с планетой).

Высота и скорость постепенно падают, и вот уже под нами пронесется лес мачт довольно крупных парусников, утопающие в зелени кварталы города, и наконец челнок вздрагивает от удара шасси о бетон полосы.

Здесь, однако, жарко. Я бы на их месте устроил бы космопорт не в субтропиках, а где-нибудь посевнее. Впрочем, при их слабой технике, каждый градус широты на счету.

К трапу челнока подали нечто, что вообще говоря, должно было считаться автобусом. Слава богу, оно было открытое сверху, потому что полоса для подобного рода челноков обычно имеет в длину километров пять, да и начинается не сразу за городом, поэтому ехать пришлось заметное время,

К счастью, формальности в порту практически отсутствовали. Большая часть будущих колонистов осталась дожидаться своего багажа, а мы втроем отправились в город, поскольку и у Дика, большая часть имущества которого мирно дожидалась хозяина в Уайтпорте, и у нас с Синтией, которые не планировали задерживаться на планете дольше, чем необходимо, добра было не больше, чем можно взять с собой в челнок.

Как выяснилось, между Авалоном и обитаемыми территориями Средних Земель, регулярных авиарейсов не наблюдалось, поэтому приходилось рассчитывать на попутный парусник. Хотя у меня были кое-какие дела в Авалоне, я решил начать с того, чтобы отправиться с Диком в гавань и приискать себе место на корабле.

В конторе капитана порта нас ждало разочарование. Ни один из собирающихся отправляться в ближайшую неделю кораблей не направлялся ни в Уайтпорт, ни в Белозерск. Похоже, что мне придется менять програм-

му исследований. А для Дика разлука с семьей затягивается неизвестно насколько.

В таком вот настроении мы заглянули в небольшую забегаловку неподалеку от порта.

— О, молодой Ховер! — приветствовал Дика грузный седой моряк, сидевший у стойки с кружкой пива.

— Капитан Роджерс! А мне-то говорили, что ни одного судна из Уайтпорта в порту нет.

— А может ты, сынок, спрашивал про судно, *отправляющееся* в Уайтпорт?

— А разве это не одно и то же, когда речь идет о «Красотке Сузи»?

— Да я тут, черт возьми, застрял самым что ни на есть глупейшим образом. Я, понимаешь ли, дал Бену отпуск на один рейс, а когда пришел в порт, Базиль свалился с аппендицитом. Теперь он минимум месяц проваляется в больнице, а я тут кукую. Потому что я могу убедить капитана порта, что «Красотка Сузи» доберется до Уайтпорта всего с двумя штурманами на борту, но если я ему скажу, что буду лично нести вахту двадцать четыре часа в сутки, он мне не поверит.

— Так значит, если бы был штурман, — предположил я. — то «Красотка Сузи» взяла бы курс на Уайтпорт сегодня-завтра?

— Так-то оно так, но где же я этого штурмана возьму? Среди прилетевших на «Амстронге» есть пара людей со штурманским образованием, но у них нет отбою от предложения постоянной работы, а мне нужен штурман на один-два рейса, пока Базиль не встанет на ноги.

— На пол-рейса, капитан, — вставил Дик, похоже, понявший меня с полуслова. — потому что на Уайтпортском пирсе тебя встретит Бен, изнывающий от нетерпения узнать, куда же запропастился нежно любимый мастер.

— А здесь, между прочим, — продолжал я. — присутствуют как минимум два человека, которые кое-что понимают в навигации, и страстно хотят попасть в Уайтпорт — ваш покорный слуга, который, как дипломированный планетолог, имеет права на управление всеми мыслимыми транспортными средствами, но этот океан видит в первый раз, и некто Дик Ховер, который, конечно, летчик, а не моряк, но зато эту планету знает как свои пять пальцев.

— Ну и? — старательно разыгрывал непонимание капитан.

— Объясняю популярно, дядя Джон, — разозлился Дик. — Ты имеешь в нашем лице двух добровольцев, желающих оплатить проезд до Уайтпорта несением штурманских вахт. В Уайтпорте ты подбираешь Бена и к моменту, когда Базиль выйдет из больницы ты успеешь сделать, как минимум, пару рейсов.

— Но один из вас ничего не смыслит в парусах, а другой — в этих водах.

— Зато мы и не просим штурманского жалованья.

— Предложение выглядит заманчивым. Пожалуй, если вы сегодня к вечеру будете на судне, завтра с вечерним приливом снимемся.

Устроив таким образом нашу дальнейшую судьбу, мы вернулись в город. Авалон напомнил мне старинные греческие или итальянские города — до-

ма и заборы, сложенные из дикого камня, ослепительно белые извилистые улочки, посыпанные коралловым песком, дворики, заросшие тенистыми деревьями. На каждом втором перекрестке — небольшой бассейн с фонтаном. Только в Греции или Италии фонтаны были бы украшены какими-нибудь скульптурами, а здесь они представляли собой абстрактные композиции из каменных глыб, местами поросших мхом.

— А не мусульмане ли населяют этот город, — поинтересовался я у Дика.

— Вообще-то Авалон считается городом фэйрис, — ответил тот. — Конечно, тут живет довольно много людей — портовые рабочие, оптовые торговцы, хозяйка гостиниц. Это ведь главный перевалочный пункт планеты. А фэйрис не любят заниматься торговлей.

— Как, и гномы тоже? — удивилась Синтия.

— И гномы тоже. Они большие домоседы и обычно не покидают своих месторождений. Сидят там, что-то делают. У эльфов полно всяких вещей гномьей работы, но чтобы гномы торговали с людьми — это редкость.

Поэтому в основном Авалон населяют греки и итальянцы.

— Почему же тогда здесь так мало скульптуры, а фонтаны представляют собой скорее имитацию природных источников.

— Наверное потому что с точки зрения фэйрис Авалон и так выглядит слишком человеческим городом. Настоящее эльфийское поселение это, например, наш уайтпортский Хэдж.

Время было послеобеденное и город как будто вымер. В таком климате это неудивительно. Мне очень хотелось забраться в скафандр и включить там кондиционер. Но скафандр лежал в рюкзаке на борту «Красотки Сузи». Опять же перед ребятами неудобно.

На одном из перекрестков в тени огромного платана переждал жару мальчишка-газетчик. Дик радостно вцепился в какие-то не виденные им уже полгода газеты на английском языке, а мы с Синтией стали разглядывать остальные названия. Здесь были газеты и на русском, и на греческом, и на французском, но ни одного знакомого названия. То ли доставленная «Амстронгом» почта еще не успела попасть к уличным продавцам, то ли события двухмесячной давности на Земле здесь никого не интересовали.

Где-то в углу столика Синтия обнаружила газету алфавит которой я с первого взгляда не узнал. Она некоторое время смотрела на заголовок шевеля губами, потом попросила:

— Мне пожалуйста «Элле Алквалонде».

— К сожалению, есть только вчерашняя, — ответил мальчишка, а потом с удивлением подняв глаза на Синтию, спросил: — Мисс умеет читать по-эльфийски?

— Оказывается умею, — не менее удивленно ответила Синтия.

Тут до меня наконец дошло, что газета была набрана самым что ни на есть толкиеновским тэнгваром. Слава богу это не первый народ, использовавший этот алфавит, с которым мне приходилось сталкиваться. Взяв у Синтии газету я бегло просмотрел её и убедился что она не только набрана тэнгваром, но и написана на квенья.

Я чертыхнулся и полез в карман за ЛЭТ-ом. Снимать видеокамерой газету на глазах у изумленного продавца мне не хотелось, поэтому я поставил чистый эксперимент — засунул в программу перевода с языка фэйрис, входившую в состав материалов экспедиции Реагала все тексты на квенья, которые только нашлись в собрании сочинений Толкиена. Получился осмысленный подстрочник. О Элберет, Гилтониэль!

Внимательно осмотрев лоток, я обнаружил "Звезду Авалона" и "Avalon Star" за то же число. На всякий случай купил и их.

Беглый взгляд на русскую и английскую газету привел меня к выводу, что это одно и то же издание на разных языках.

* * *

На следующее утро мы с Диком расхаживали по палубе «Красотки Сузи» с видом настоящих морских волков. То есть носились взад и вперед, выполняя разнообразные поручения капитана Джона.

Он ухитрился за вечер раздобыть фрахт и собирался извлечь всю возможную выгоду из так кстати подвернувшихся подменных штурманов. Вот с пассажирами было несколько хуже. Кроме Синтии, которая была намерена исполнять обязанности моего ассистента, желающих попасть в Беловодье на Авалоне в тот момент не было. Всех колонистов, прибывших на «Амстронге» направляли в какие-то другие домены.

Капитан возложил на Дика все обязанности второго помощника, связанные с погрузкой, благо Дик прекрасно разбирался в местной механике работы с грузами, а меня, как «старшего помощника» привлек к прокладке курса. Видимо, с тайной целью преподать мне минимум знаний местной лоции. Как будто я никогда не видел космических снимков этого океана.

К двум часам погрузка была закончена и мы втроем сидели на мостике, переводя дух. Вдруг на поясе у капитана зазвонил телефон. Он снял трубку, сказал несколько раз «Да, сэр», повесил трубку обратно на пояс и воззрился на нас с Диком чуть ли не с ненавистью.

— Признайтесь, вы с ней договорились заранее...

— С кем?

— Наш корабль собралась почтить своим присутствием эльфийская леди.

— Ну и что с того? — удивился я. — Вроде свободных пассажирских кают хватает.

— Так ведь придется вам, обормотам, жалование платить.

— ...???

— Понимаешь, Андрей, — вмешался Дик. — Совесть не позволит капитану так безжалостно нас эксплуатировать в присутствии эльфийской леди.

Я продолжал недоумевать.

— Скажите спасибо, что я не погнал вас сдавать экзамены к капитану порта. Тебя по лоции, а тебя по управлению шхуной. Поскольку вы как вахтенные штурмана будете отвечать за безопасность эльфийской леди.

— Ну, я, пожалуй успею за пару часов подготовиться к экзамену по логии. А вот научить Дика в достаточной степени управлению парусником мы с Вами вряд ли успеем. Но ведь у вас есть в экипаже боцман или кто-нибудь в этом роде, кто способен вести корабль самостоятельно, куда речь не заходит об астрономических определениях или прокладке курса. Ставьте его на вахту вместе с Диком и дело с концом.

Вскоре после этой беседы мне наконец удалось улучшить несколько минут на разбор почты, накопившейся за время перелета. «Амстронг» был земным кораблем, построенным в ту эпоху, когда Земля не имела никаких контактов с Федерацией, и средств связи с Галактической информационной сетью, естественно, не имел. А над этой планетой еще Реагалом был повешен стандартный комплект многоцелевых спутников. Поэтому мой ЛЭТ легко смог дотянуться до информсети. С несколькими сотнями писем в почтовом ящике я устроился на шканцах в тени аккуратно уложенного фока.

За этим занятием меня и застала Синтия:

— Везет тебе, почту читаешь. А я как два месяца сидела без связи на корабле, так и сейчас сижу.

— Ну это не проблема. Я легко могу устроить тебе тоннель в земную Сеть. Только устроит ли тебя трипэраунд в несколько минут, типичный для межзвездной связи?

— А как насчет подслушивания?

— Обязательно. Каким ключом ты обычно пользуешься? 512-битным? Мощности процессоров той компании спутников связи, что болтаются здесь почти без дела уже пятьсот лет, как раз хватит на то, чтобы ломать в реальном времени 512-битный ключ, если известен алгоритм и язык. Если нет, а такая ситуация встречается куда чаще, то дай бог со 128 справиться.

В этот момент мы были замечены капитаном, который решил что для старшего штурмана, на корабле, готовящемся к отходу, есть более важные занятия. Я быстренько завел логин для Синтии, сунул ей ЛЭТ со словами:

— Играйся. До почты без меня ты вряд ли доберешься, но ты небось просто по компьютерам тоже соскучилась, — и занялся каким-то в высшей степени полезным, но нудным делом, типа переключивания запасных парусов.

Только я выбрался из форпика, один из матросов показал в сторону причала:

— Едет.

К трапу подъезжала всадница на ослепительно белом животном. Сначала я было принял его за лошадь, но в ту же секунду увидел блеснувший посредине лба витой рог. Вот те раз. . . .

Всадница соскочила с агьяса, сняла с седла небольшой рюкзак, и собралась было вскинуть его на плечо, но вахтенный уже покинул свой пост у трапа, подбежал к ней и предложил свои услуги. Капитан, стоявший мостике даже и бровью не повел, видя такое нарушение дисциплины.

— Важная шишка, однако, — продышал мне на ухо матрос. — На единороге приехала. Здесь, на Авалоне, их раз-два и обчелся, не то что у нас в Беловодье.

Неудивительно, — подумал я. — агьяс, конечно, на Венте считается тропическим животным, но тропический климат на Венте примерно соответствует умеренному на Земле и здесь. Так что на Авалоне для агьясов явно жарковато.

Всадница закинула поводья на спину агьясу, потрепала его по холке и что-то сказала на ухо. Благородное животное заржало в ответ, развернулось и затрусило в сторону города, периодически оглядываясь. Девушка некоторое время смотрела ему вслед и махала рукой. Потом решительно повернулась к трапу.

Я тем временем поднялся на шканцы, и, стараясь не показаться нескромным, разглядывал первую встретившуюся мне представительницу загадочных фэйрис.

Никакой сверхъестественной красотой она, разумеется не обладала. Обычная длинноногая девица, каких полным-полно на любой обитаемой планете. Одея чрезвычайно просто — зеленые джинсы и зеленая футболка, довольно длинные светлые волосы связаны в хвост. На голове — брезентовая кепка с большим козырьком. Но в ее манере держаться несомненно что-то было. Мне приходилось общаться с наследной принцессой Викторией Голландской, и у той при всей внешней простоте манер, некая царственность в обращении тоже чувствовалась, но здесь... Если все фэйрис держатся так же, то понятно почему люди к ним так относятся.

Синтия тоже заметила что-то в манерах новой пассажирки, и презрительно фыркнула:

— Подумаешь, леди. Я-то думала, действительно леди, а тут девица верхом на единороге.

— Можно подумать, что из единорога что-то следует. — возразил я. — последний верховой агьяс, которого я видел, правда, он был не белый, а каурий в яблоках — они считаются более спокойными, вез пожилую женщину, мать троих детей, причем ее младший в это время выделял разнообразные курбеты на шее у агьяса, безжалостно теребя его за гриву и хватаясь за рог, чего они очень не любят.

Тут я обнаружил что на меня уставились две пары горящих удивлением глаз. Ну Синтия, это понятно, а вот что так удивило Дика?

— Откуда ты знаешь эльфийское название единорога? — спросил он. — И где это ты видел каурого агьяса? Я всю жизнь здесь живу и был убежден что все агьясы — белые.

Час от часу не легче.

— Ну естественно, на их родине, на Венте. Насколько я понимаю, на этой планете нет и не может быть ни одного местного четвероногого, и даже ни одного высшего растения. Все — завезенные, но я был до сих пор убежден, что все завезены с Земли. А этот — типичный образчик вентийской фауны, там все копытные однорогие. И что характерно, эльфы, по твоим словам, называют его тем именем, под которым он известен на Венте. Кстати, могли завезти и только белых. Белая окраска у агьясов — признак рецессивный, и довольно распространенный, так что если завезли только белых, взятыся каурым и гнедым, действительно неоткуда.

Кстати, Дик, если ты уж такой специалист по местным агьясам, может быть ты знаешь, чем наша гостья заслужила такой выезд сегодня? Ведь на Авалоне агьясы, говорят, редкость?

— А как же! Это моя старая знакомая, леди Луинэль. Объясняется все просто. Она наверняка если не выкормила из бутылочки, то воспитывала и объезжала этого единорога. Их ведь разводят у нас, в Беловодье. Поэтому, когда она появилась здесь, все местные агьясы, наверняка, готовы были за ней по пятам ходить, как собачки. И если бы ее при этом возила какая-нибудь лошадь, они бы все смертельно обиделись.

— Да? И у вас люди тоже обращают такое внимание на чувства ваших домашних животных? Или только фэйрис? — поинтересовалась Синтия.

— Ну, поселенцы второго-третьего поколения кое-чему у фэйрис научились. А у новых поселенцев бывают с этим проблемы.

Тем временем Луинэль поднялась на борт, поздоровалась с Диком и направилась вниз. Я заметил у нее на поясе охотничий нож с витой роговой рукояткой.

— *Deja vu*, — пробормотал я. — Девушка с кинжалом с рукояткой из рога дохлого агьяса. Только волосы неправильного цвета.

— Почему дохлого? — поинтересовалась Синтия.

— А ты думаешь у кого-нибудь из эльфов подымется рука зарезать единорога? — ответил за меня Дик, и, в свою очередь поинтересовался:

— А какого цвета должны быть волосы?

— Серебряного. Вернее, седого. Есть такой персонаж в вентийском фольклоре, даже в истории — Хельга Серебряная. Вот у нее был кинжал с такой рукояткой. Говорят, в одном из замков Ромлина он до сих пор хранится, хотя она жила три с половиной тысячи лет назад.

— Эльфы не седеют, — возразил Дик.

— Вот интересно, — подумала вслух Синтия. — из какого металла у нее лезвие?

— Из стали, конечно, — ответил Дик. — А почему должно быть по-другому?

— А как же нелюбовь эльфов к Холодному Железу?

— Похоже, что так же, как нелюбовь единорогов к замужним всадницам, — ответил я. — Вряд ли здешние фэйрис слишком старательно следуют всем легендам о них, гуляющим на старушке-Земле.

— Почему они вообще должны чему-то следовать? — удивился Дик.

— Пока это не более чем гипотеза, но у меня есть основания полагать, что кое-какие из обычаев фэйрис специально создавались такими, чтобы колонисты воспринимали их как сверхъестественных существ из земных легенд. Например, агьясы. Не удивлюсь, если где-нибудь в неосвоенных еще тропических областях обитают хельмутские драконы.

— А зачем им чтобы их как-то воспринимали? Они и так достаточно сверхъестественны.

— Ну это тебе так кажется — ты вырос в обществе, которое воспринимает фэйрис как высшую расу. А вот новичкам-колонистам нужно, чтобы сработали кое-какие старые ассоциации. Посмотри, например на реакцию

Синтии. Насколько я понимаю, авторитет фэйрис держится отнюдь не на силе, и тем не менее они, при всей их малочисленности уже сто лет продолжают оставаться правящей расой. А править людьми, тем более белыми людьми, не опираясь на силу, не так-то просто.

* * *

Мы отплыли с вечерним приливом. Как только мы прошли волнорезы и легли на курс, капитан отправился к себе в каюту, оставив на вахте меня. До заката было еще далеко, шхуна шла в полный бакштаг, подгоняемая легким вечерним бризом, и почти не требовала внимания. Благо шкипер Джон раскошелился в свое время на авторулевого — достаточно примитивную конструкцию в виде крыла из легкого дерева связанную с румпелем системой тросов, но вполне способную держать курс. Поэтому я вытащил ЛЭТ и занялся исследованием местной информационной сети. Еще в городе я выяснил что фэйрис вовсю пользуются спутниками, оставленными Реагалом, поэтому, располагая технологическими паролями к ним, я имел здесь такие права доступа, которые наверное, никогда не и снились Синтии в параноидальных земных сетях.

Вот интересно, имеет ли смысл вмешивать ее в это занятие? С одной стороны, помощь специалиста по информационной безопасности из МИ-6 мне отнюдь не помешала бы, а с другой — насколько я могу считать ее своим союзником? Ее задача здесь — выяснить не делают ли эти загадочные фэйрис что-то нехорошее с земными колонистами, а моя — можно сказать прямо противоположная — выяснить, не угрожают ли многочисленные земные колонисты с неустойчивым психологическим фоном и ярко выраженной агрессивностью, тихой и доброй цивилизации фэйрис.

Впрочем, чтобы убедиться, что угрозы со стороны землян для фэйрис нет, не нужно рыться в местной сети. Достаточно пообщаться с Диком и шкипером Джоном. Если уж эти люди так однозначно признают фэйрис за высших существ, бояться за их положение не стоит. А вот те подозрения, которые заставили прислать сюда Синтию...

Чем дальше, чем больше я убеждаюсь, что здесь проводится крупномасштабный план по манипулированию сознанием колонистов.

Взять хотя бы статистику межзвездного трафика. Спутники Реагала болтаются здесь уже пятьсот лет, и все эти годы фэйрис ими пользуются в меру необходимости. Но колонисты почему-то до сих пор убеждены, что прямой связи с Землей у Арды нет. Хотя никаких ограничений на шлюзах из планетной сети в галактическую мне обнаружить не удалось.

Посмотрим теперь на местные информационные сайты. Да, естественно, полный набор информации по геологии, экологии и биологии. И все на квенья. Для людей предназначены только небольшие отрывочные фрагменты практических знаний. Хм, какая интересная картинка — карта времени достижения ландшафтами планеты степени устойчивости, достаточной для колонизации.

А вот более древние данные — динамика роста биоразнообразия за последние 20000 лет.

Еще через полтора часа мне стало ясно про эту планету все. За исключением одного — откуда взялись фэйрис, которые на протяжении двухсот веков старательно готовили планету к приходу земных колонистов.

Впрочем, вот координаты человека, вернее эльфа, которому имеет смысл задать этот вопрос. А также и вопрос о том, что он собирается делать с Синтией и ее миссией. В той части планеты где он обитает, уже утро.

Вот удивлю я высокородного Галадхона, запросив видеобеседу. . .

Высокородный Галадхон оказался совершенно не похож на эльфийского владыку, каким я его себе представлял. Ниже среднего роста, полноватый, он скорее напоминал хоббита, чем эльфа. Но справляться с нештатными ситуациями, похоже обучен не хуже планетолога. Не прошло и пяти минут, как мы обо всем договорились.

Похоже, когда Синтия узнает правду, она на меня смертельно обидится. Но меня с позиции исследователя-этнографа, фэйрис, не очень любящих раскрывать свои тайны, да и саму Синтию этот план действий должен вполне устроить. В конце концов, мы спасаем ее от шока, который испытал я, поняв что здесь происходит на самом деле. Но я-то подобным вещам обучен. . .

Я с чувством выполненного долга сложил ЛЭТ и принялся честно наблюдать за горизонтом.

* * *

Наутро мы собрались в кают-компанию за завтраком. Нас ожидал небольшой фурор — Синтия вышла к завтраку в платье, если и не бальном, то достаточно впечатляющем.

В ее глазах отчетливо читался вызов — оставаться второй из двух женщин на этой шхуне она не намерена. Увы, эта затея была с самого начала обречена на проигрыш. Хотя леди Луинэль и не предпринимала никаких усилий, выйдя к столу в той же самой зеленой футболке, вниманием мужской половины стола она владела безраздельно.

В полдень, сдавая Дику вахту, я кинул взгляд на Луинэль, сидевшую на крышке носового трюма с гитарой в руках, и спросил:

— Дик, а ты не знаешь, сколько ей лет?

— Кто знает, сколько лет эльфу, — ответил тот. — Известно только что в Уайтпортском ветеринарном колледже она преподавала уже тогда, когда там училась моя тёща. А так фэйрис обычно не афишируют своего возраста. Принято считать, что они были всегда, и будут всегда.

— Да, пожалуй, есть только один способ это узнать. Надо её чем-нибудь удивить до полусмерти. Тогда может быть скажет «столько-то лет живу на этом свете, а такого чуда не видела». Боюсь, на каурого агьяса она так не среагирует. Дракона-альбиноса ей что-ли продемонстрировать. Таких по моему, на всю сферу влияния Хельмута штук пять наберется.

— И как ты его собираешься сюда доставить?

— А никак. Придется выдумывать что-нибудь из нашей области. Поскольку летательных аппаратов под рукой нет, можно попробовать что-нибудь учудить со шхуной. Как ты насчет того, чтобы пройти бар в устье Белой реки ночью при восьмибалльном шторме?

— Так тебя дядя Джон и пустит в реку входить ночью. И где ты в это время года восьмибалльный шторм возьмешь?

— Вот с этим — никаких проблем. Циклон уже зародился у Семи Островов и идет, как ему и полагается, к востоку. Если мы продолжим идти текущим курсом, то он пройдет севернее нас, и, как максимум нам светят пятибалльные противные ветры.

А вот если нам уклониться градусов на пятнадцать к северу и поставить сейчас топсели, то у нас есть хорошие шансы пройти весь маршрут с восьмибалльными ветрами с западных рубмов. К тому же мы пойдем по кратчайшему пути, а не по локсодромии², как по старинке прокладывает курс шкипер, и сэкономим несколько сотен миль.

Тогда мы подойдем к устью Белой на три дня раньше, чем рассчитывает дядя Джон, и как раз в районе полуночи. Если, конечно, не побоимся нести при восьмибалльном ветре полные паруса. Но вроде рангоут у «Красотки Сузи» достаточно крепкий.

Заодно проверим, укачиваются ли эльфы.

— А Синтию тебе совсем не жалко?

— Она англичанка, им укачиваться не положено по статусу «Царицы Морей».

— И все-таки, откуда ты узнал о циклоне? По радио вроде еще не передавали.

— Мы в каком веке живем? В XX или XXIII? Над этой планетой уже пятьсот лет болтается стандартный комплект спутников, есть компьютерные сети, и есть модель динамики атмосферы, чуть ли не более подробная чем у Земли — там почему-то метод аттракторов для прогноза развития циклонов до сих пор не используют.

— Покажи.

Я достал ЛЭТ, вывел на экран карту погоды, запустил прогноз в виде анимации, и пустил поверх этого предполагаемый курс шхуны.

На мостике появился капитан, и обнаружил обоих своих штурманов склонившихся над дисплеем.

— Что это вы тут делаете?

— Прикидываем, как сэкономить три дня пути.

Я изложил ему свой план.

— Ты парень, что яхтсмен что-ли?

— Ну яхтсмен не яхтсмен, а в Те-Пальской крейсерской регате участвовать приходилось. Правда не штурманом. Штурманов на «Кэри Антин» традиционно поставляет астронавигационный факультет.

На лице дяди Джона отразилась сложная внутренняя борьба.

— И насколько ты уверен в этом прогнозе?

---

²локсодромия — линия на сфере, пересекающая меридианы под одинаковым углом.

— Насколько можно вообще быть уверенным в восьмидневном прогнозе по методу аттракторов Орвуца-Лимаи. Процентом на 90. Но если что-то пойдет не по плану, мы либо отклонимся сильнее к северу, в более спокойную область, либо просто отстанем от циклона и пойдем себе в галфвинд вместо бакштага. Выиграем поменьше, но выиграем.

— Ладно, рискнем, — махнул рукой капитан.

Синтии я рассказал об этом разговоре, умолчав о своей мальчишеской идее удивить Луинэль. Я боялся что если Синтия действительно страдает морской болезнью, виноватым окажусь я.

Впрочем, выяснилось что не укачиваются не только эльфы, но и системные администраторы британской разведки.

Через пару дней, когда мы уже шли в бакштаг под восьмibalльным ветром, неся столько парусов, сколько мог себе позволить здоровый консерватизм дядюшки Джона, Синтия забралась на мостик во время моей вахты, и как бы мимоходом бросила:

— И с чего вы с Диком решили, что Луинэль не ответит на прямо заданный вопрос о возрасте? Реагалу ведь ответил.

Я чуть было не выпустил штурвал из рук.

— Откуда дровишки?

— От вендора, вестимо. Ты сам мне давал изучать материалы экспедиции Реагала, пока ты спал. В его дневниках есть упоминание о том, что к их биологам была прикомандирована некая практикантка Луинэль из Эгладора, специализирующаяся по крупным копытным. И ей в тот момент было сто семьдесят лет. И даже фотография есть. Совершенно узнаваема.

— Ты не могла мне это изложить где-нибудь внизу? Меня же сейчас с палубы смоем. Одно дело теоретически знать, что эльфы живут черт те сколько лет. И совершенно другое дело знать, что девица, которая сидит с тобой за столом в кают-компании лично знакома с Реагалом.

— То есть ты поверил? А я тебя разыграть хотела. Думала что это её прабабушка или что-нибудь в этом роде.

— Я поверил. Не сказать, чтобы меня это не удивило, но факты налицо. У меня есть основания полагать что имена у эльфов уникальны в масштабе всей планеты. Во всяком случае я ни разу не встречал у них упоминания чего-то вроде прозвищ, что позволяло бы различить тёзок.

Я знаю, что эльфы называют Эгладором то поселение около Уайтпорта, которое Дик называет Хэджем.

Наконец, весьма неправдоподобно чтобы две эльфийки с одинаковым именем, живущие в одном поселении, занимались бы одним и тем же.

— Но Реагал же вентиец? Он обязательно обратил бы внимание, что его новая знакомая занимается вентийскими животными — агьясами.

— А вот агьясы скорее всего были интродуцированы в Беловодье уже после экспедиции Реагала. Правда, подробности того, как и откуда фэйрис брали тех животных, которые сейчас населяют Арду, я пока не знаю.

А вообще брысь с мостика. А то шкипер Джон придет и устроит мне разнос, что у меня посторонние на рабочем месте толкуются.

— Ну воздухом же подышать хочется. А то укачает. И вообще, я сама видела как во время его вахты на мостике Луинэль тусовалась.

— Ну, во-первых, то была эльфийская леди, а не простая смертная, во вторых, он шкипер, первый после Бога, и ему всё можно. А я подменный штурман.

Удивить эльфийскую леди дерзким ночным проходом через бар нам, естественно не удалось. Может быть дядя Джон и не разбирался в аттракторных моделях динамики циклонов, но счисление он вел четко и с нас того же требовал. Поэтому к бару Белой мы подошли на рассвете. Циклон уже ушел на запад, утренний бриз дул с берега и для прохода через бар пришлось включить мотор.

Хотя, надо сказать, план по удивлению эльфийских леди я выполнил, спросив как-то между делом в кают-компании Луинэль по-барлийски:

— Ведь это Вам первой пришла в голову идея завезти на Арду агъясов?

* * *

И вот, наконец, на четырнадцатый день плавания, на рассвете, перед нами открылся Уайтпорт. В спокойные воды озера вдавался длинный мыс, конец которого представлял собой полукруглый холм, поросший вековыми соснами. От него к берегу мыс постепенно понижался, и там, где береговые обрывы сходили на нет, берег был усеян маленькими домиками, серебристо блестящими тесовыми кровлями.

У основания мыса виднелся лес мачт. От холма, покрытого лесом, отделилась какая-то птица, и направилась в нашу сторону. Не успели мы совершить поворот оверштаг, ложась на курс, ведущий к причалу, как птица была уже над шхуной, и, заложив лихой вираж, приземлилась на плечо стоявшей на шканцах Луинэль. К моему изумлению это был кречет.

— Что, — спросил я Дика, — этот холм и есть знаменитый Хэдж?

— Да, это он.

Тем временем, Луинэль прочитала записку, принесенную кречетом, и подошла к дяде Джону, сказать ему пару слов на ухо.

После этого меня совершенно не удивило то, что разгрузка шхуны была поручена ожидавшему нас на пирсе Бену, а мы с Синтией и Диком покинули борг сразу же после Луинэль, которую, естественно, ожидал у причала верховой единорог.

Дик предложил нам с Синтией свое гостеприимство, и мы направились к нему, почти что через весь город. Улицы Уайтпорта были непохожи ни на что, виденное мной раньше. Несмотря на довольно оживленный поток пешеходов и гужевых повозок, даже несмотря на тяжелые грузовики, подобные тем, которые принимали груз «Красотки Сузи», проезжая часть была покрыта жестким ковром зеленой травки, напоминая скорее тщательно ухоженный газон футбольного поля, чем проезжую дорогу. По дороге к дому Дика мы пересекли пять ручьев, весело журчащих под бревенчатыми мостами, и образовавших удивительной красоты каскады прудов.

Наконец мы дошли до нашей цели. Дом Дика, так же как и большинство домов Уайтпорта представлял собой удивительное смешение стилей — за типично английской живой изгородью скрывалась основательная северорусская бревенчатая изба. На фронтоне, под традиционным коньком был прибит выкрашенный суриком двухлопастный пропеллер от легкого самолета.

Не успел Дик открыть калитку, как к нам под ноги с радостным лаем выкатился разноцветный клубок собак, которые немедленно бросились облизывать так долго отсутствовавшего хозяина. На лай собак из дома появилась невысокая светловолосая женщина с одноглазым черным котом на плече. Она являла собой олицетворение спокойствия и степенности.

Дик стряхнул с себя собак, в несколько широких шагов пересек двор и заключил ее в объятия. Вся степенность моментально слетела с нее и супруги выражали свой восторг от встречи не менее бурно, чем минутой раньше собаки. Кот, явно обиженный тем, что центром внимания является не он, ретировался с плеча хозяйки на перила крыльца, и поглядывал оттуда на собак с нескрываемым презрением.

Синтия стояла, прислонившись к калитке и спокойно ожидала, пока ее соблаговолит представить. Я тем временем попытался свести знакомство с собаками. Как я и ожидал, собаки Дика не могли быть недружелюбными, и я моментально познакомился с ними, хотя свои имена они мне назвать и не могли.

Наконец Дик вспомнил о нашем присутствии и представил нас своей жене.

* * *

— Среди местных детей распространена легенда, что эльфы разводят ёжиков на мясо, как люди — свиней, — сказала Бетси, провожая взглядом ёжика, деловито топающего через двор. — Мол, название hedgehog происходит от того, что в Хэдже эти животные занимают место свиньи в честной англосаксонской семье.

В этот момент над огородом появился белый кречет. Он описал круг и спланировал Бетси на плечо. К лапе кречета была привязана записка. Бетси отвязала ее и развернула:

— Адресовано Синтии Пеппер. Хм... В первый раз вижу, чтобы эльфийский кречет принёс записку не тому, кому она адресована.

— Но он промахнулся не более чем на два метра. — вставил я.

— Вообще-то, да. Вы здесь люди новые, кречет мог вас и не знать. Скорее всего, он и был послан ко мне с запиской для Синти.

Синтия вскрыла послание:

— Андрей, нас обоих приглашают сегодня вечером в гости к эльфам. Интересно почему записка адресована мне одной?

«Конспираторы хреновы. — подумал я. — Я, конечно, отчасти сам придумал этот план, который они начали осуществлять. Но могли бы и поак-

куратнее. Или я слишком откровенно изображаю здесь вентийского планетолога?»

Для официального визита Синтия переделалась в то платье, которое мы с Диком уже видели в кают-компании «Красотки Сузи», а я, подумав, остался в полевой планетологической форме.

И вот мы уже подходим к загадочному Хэджу. Эльфийское поселение было действительно окружено непроницаемой живой изгородью высотой метра три, за что и было прозвано Хэджем англоязычными колонистами.

Издалека это производило вид крепостной стены, сложенной из малахита — причудливые башенки, зубцы, бойницы.

— Как, интересно, эльфы добиваются от кустов такой формы? — спросила Синтия, когда мы подошли к стене почти вплотную.

Я протянул руку и погладил жесткие ветки.

— Обыкновенными садовыми ножницами. На ощупь сразу чувствуется, что ветки подстрижены. Хм, — я взгляделся в зеленую стену повнимательнее. — А они не так просты. Здесь как минимум четыре вида разных кустарников, что позволяет обеспечить равномерную плотность хэджа по высоте.

Между двумя внушительными зелеными башнями высились резные деревянные ворота, которые под лучами вечернего солнца казались золотыми.

Из-за зеленого зубца надвратной башни высунулась голова часового, или вахтера или как они там называются, и сразу исчезла. Через некоторое время в воротах открылась калитка, ранее совершенно не заметная снаружи за деревянной резьбой, и появилась прекрасная женщина в светло-зеленом платье. На шее у нее на тонкой золотой цепочке висел золотой кленовый листик без единого камешка. Длина цепочки была как раз такая, чтобы несмотря на достаточно скромное декольте платья, листочек был виден.

Больше никаких украшений на ней не было.

— Приветствую тебя, благородная Синтия Пеппер, взвалившая на себя задачу, достойную многоопытного мужа, — обратилась она к Синтии по-английски. — Привет и тебе, планетолог-demi-human.

Синтия потупила глазки и сделала книксен. Я разразился цветистым приветствием на квенья, услужливо подсказанным программой-переводчиком через биоинтерфейс ЛЭТа, который я заблаговременно прицепил к виску, замаскировав проходящий за ухом и под рубашкой в нагрудный карман проводок волосами.

Синтия моментально подняла голову и обращенные на меня глаза удивленно вспыхнули.

— Хочешь сказать, что я же не знаю квенья? — шепнул я. — зато программа-переводчик знает. Наша хозяйка вот сразу сообразила что я сейчас немножко киборг. Получеловеком вот обозвала.

— Не расценивай это как оскорбление, о высокоученый... — начала эльфийка.

— Я прекрасно понимаю, что это комплимент, благородная леди. Вы хотели сказать, что считаете меня равным эльфам и другим расам фэйрис.

Наконец взаимное распаркивание удалось прекратить и мы последовали за нашей проводницей внутрь Хэджа.

Войдя внутрь мы оказались в местности, похожей на парк. Аккуратно подстриженная травка, довольно редко стоящие огромные сосны, крутые холмы, в лощинках между которыми звенят ручьи и блестят прудики.

Прямо перед воротами высился внушительный холм, увенчанный короной из огромных сосен.

Наша проводница обогнула холм и мы увидели что с южной стороны холма склон прерывается куском вертикальной стены с окнами и дверь.

— Интересно, а как у них в холме течет время, — пробормотал я себе под нос.

Эльфийка услышала:

— Не беспокойтесь, снаружи пройдет ровно столько времени, сколько вы проведете у нас в гостях.

Первое помещение, куда мы попали, пройдя через дверь, было не слишком внушительным. Так, прихожая-гардеробная. Невысокий наклонный потолок, светлые стены из не очень понятно какого материала. Правда, колонны и потолочные балки из неокоренных кривых стволов и оконные рамы причудливой формы давали некоторое представление об эльфийском стиле.

Но когда мы прошли в следующее помещение, оставалось только ахнуть. Это был круглый зал с коническим потолком, занимавший, видимо, всю центральную часть холма. По кругу, оставляя коридор примерно метр, высились ровные золотистые колонны сосновых стволов. Тех самых, которые прорастая через пололок, образовывали корону сосен над холмом.

В центре высился огромный, метра полтора в диаметре, узловатый пень, служивший столом.

Пол был устлан циновками, сплетенными из сухой травы. И все это освещалось лучами вечернего солнца, проникавшего через невидимые снаружи световые люки в крыше.

С противоположной от входа стороне, около самых сосновых стволов стояли два массивных резных трона, вырезанных из цельных стволов, и на них сидели сидели двое эльфов. Довольно молодой мужчина с длинными, до плеч, распущенными темными волосами, одетый в простую белую рубашку и брюки, и дама средних лет с длинной роскошной золотистой косой, в полупрозрачном белом платье.

Единственным металлическим предметом на обоих был короткий, видимо, церемониальный меч, вроде римского гладиуса, висевший у эльфа на широкой перевязи из простого полотна, которую я не сразу заметил на фоне рубашки.

Наша провожатая громко объявила:

— Синтия Пепшер с Воксхолл-Кросс³, Земля и Андрей Каретин из Университета Рипата, Вента, на аудиенцию к владыке Кириону и владычице Хеллуин.

---

³Воксхолл-Кросс — штаб-квартира МИ-6

Я поклонился, сочтя наиболее соответствующим ситуации поясной поклон, Синтия опять сделала книксен.

Владыка Кирион поднялся со своего трона, и сделал неглубокий поклон. После чего он в два шага пересек пространство, отделяющее трон от стола, и сделал нам приглашающий жест, мол, официальная часть кончилась, давайте усаживайтесь, займемся делом.

Синтия была несколько ошеломлена. Во-первых, упоминанием Воксхолл-кросс. Она же не знала что это я ее сдал. Впрочем, я считал это вполне в рамках правил, поскольку сам ее вычислил еще на корабле. Во-вторых, внешним видом Кириона. Если к эльфийкам она уже успела привыкнуть благодаря обществу Луинэль, то эльфа мужского пола она видела впервые. Причем не просто эльфа, а эльфийского владыку.

Надо отдать фэйрис должное, свои внешние образы они строили удивительно четко, не упуская не единой мелочи. Минимум украшений, чем выше, тем меньше, максимальная простота одежды, но сочетание этой простоты с отработанной пластикой движений и мимикой производит совершенно неизгладимое впечатление.

Впрочем, нейтрализовывать эффект собственного внешнего вида они тоже умели мастерски. Несколько фраз, которые совершенно не отложились в моей памяти, и Синтия уже не пялится на эльфа а активно работает в диалоге с ним.

— Полагаю, Уайт-Порт и Белозерск вам малоинтересны. Это старые поселения, им уже больше ста лет, и колонистов как таковых здесь уже нет. Все — местные жители во втором-третьем поколении.

Поэтому рекомендую доехать автостопом до Айрон-Маунт, это недалеко, всего полторы тысячи километров, а оттуда спуститься по Итилю в Хвальнское царство. Оно сейчас как раз активно заселяется.

Заодно по дороге вы познакомитесь не только с типичными сельскохозяйственными районами, но и с несколькими расами фэйрис, в Айрон-Маунт живут гномы, в Итиле — наяды, а на берегах Хвальнского озера встречаются и джинны.

Из Итиль-Сарая есть регулярные авиарейсы и в Авалон, и в Менегрот. Вот в нем-то и можно будет получить ответы на все вопросы, которые возникнут в процессе экскурсии.

* * *

На следующее утро мы отправились в путь. Традиционно попутки в Уайт-порте ловят на выезде из города около небольшого кафе. Когда мы подошли туда, мы обнаружили около знака, означающего конец города знакомую фигуру в зелёной футболке.

— Доброе утро, леди. Куда направляетесь?

— В Айрон-Маунт.

— И мы туда же. Никогда бы не подумал, что эльфийские леди тоже ловят попутки на шоссе, как простые смертные.

— А что делать? — пожала плечами Луинэль. — Автобусного сообщения нет, самолет только раз в неделю, и ушёл вчера. А расстояние две тысячи километров. Верхом лучше и не пробовать.

— А своего транспорта у фэйрис разве нет? — поинтересовалась Синтия.

— В Беловодье — нет. В Великой Степи, где колонистов еще нет, дело другое, но здесь уже достаточно людей, чтобы эльфам не приходилось самим иметь дело с Горячим Железом. (вставить еще одно название царства)

— А как это, «Горячее Железо». Про Холодное я знаю, а про Горячее — нет.

— Все в чем есть двигатель, который при работе нагревается, и в чем нету жизни. Чем надо управлять, чтобы ехать, а не просто сказать куда, как коню или единорогу. Холодное Железо — это средневековые земные сказки, а вот Горячее мы действительно не любим.

— А драконы? — вставил я.

— Что драконы? Вы думаете мы тут занимались генно-инженерными экспериментами?

— Нет, я просто удивлен, что импортировав агьясов с Венты вы не импортировали драконов с Хельмута.

— В первый раз слышу о том, что где-то в Галактике обитают прирученные драконы.

В этот момент на шоссе выехал огромный бензовоз. Луинэль махнула ему рукой, и он послушно притормозил около нас.

— Трое? — спросил шофер. — Тесновато будет. Ну ладно, черт с вами. Только тебе, парень, придется залезть назад, на койку. Была бы бортовая, в кузов бы посадил.

— Хорошо ездить автостопом в компании эльфа... — пробормотал я про себя по-барлийски. Луинэль резко обернулась, а потом ехидно подмигнула.

Лежа за спинами моих попутчиков, я смотрел вперед поверх головы шофера.

Дорога меня буквально заворожила. Видел я много разных дорог — и серые асфальтовые автострады Земли, и еле протоптанные колеи на вновь осваиваемых планетах, и улучшенные грунтовые дороги, повторяющие цвет местной геологии, и даже полузаброшенные свайные дороги Тола на Венте, представляющие собой деревянные решетки, через которые просыпается снег.

Но эта дорога была необыкновенной. Она была живой. Как и улицы Уайтпорта, полотно дороги было покрыто коротко стриженной травой. А вместо разметки росли полосы белых цветов, вроде анютиных глазок. Так и убегала вдаль, прихотливо извиваясь по холмам, зеленая полоса, ограниченная двумя белыми линиями, за которыми еще на пару метров продолжалась такая же зелень обочин.

Там где на Земле по сторонам дороги ставят белые столбики, дорога была обсажена березками. Судя по их толщине, этой дороге было лет тридцать.

— Интересно, — спросил я в пространство. — Как часто приходится эту дорогу подстригать?

— В начале лета — раз в неделю, — ответила Луинэль. — а когда начинается сенокос, то можно стричь и пореже. Так что косилки с дороги перебираются на луга.

— А сколько лет нужно стричь дорогу прежде чем по ней можно будет ездить?

— Нисколько. Трава вырастает очень быстро, если её правильно посеять. Месяц-полтора, и готово. Вот только если земляные работы завершены в конце августа-сентябре, лучше бы до весны дорогой не пользоваться. Пока трава не скрепила полотно своими корнями, дорога под снегом очень сильно разбивается. Но тут уж как повезет. Иногда бывает правильнее весной перед посевом отремонтировать.

— А как вы относитесь к тому, что земляная утрабованная насыпь нарушает движение воды в почве?

— Как к неизбежному злу. Мы стараемся прокладывать дороги так, чтобы они не мешали потокам грунтовых вод. Ну а если не получается, делаем низ насыпи водопроницаемым. Благо здесь, в Беловодье почти вся местность сложена ледниковыми отложениями и уж чего-чего, а валунов - хватает.

Тем временем машина пронеслась над небольшой речкой.

— И на мостах тоже траву сажают? Какой же толщины должна быть отсыпка поверх настила?

— Не так уж много. С полметра. Зато водителю приходится все время иметь дело с одним и тем же покрытием.

— Но в городе, как я заметил, мосты бревенчатые.

— Так то — город. Там никто быстро не едет. К тому же там нет никакой проблемы с ремонтом мостов — всегда можно объехать по соседней улице. А трасса должна работать без ремонта десятилетиями. Поэтому здесь мосты строятся так, чтобы прослужили века.

Пейзаж по сторонам дороги был куда менее примечателен, чем сама дорога. Можно подумать, что находишься где-нибудь в Центральной России или Новой Шотландии. Стена леса периодически отступала от дороги, открывая участки возделанных полей с несколькими домиками укутавшими листьями садов где-нибудь в стороне от дороги.

К ним от трассы ответвлялся ярко-изумрудный ручеек подъездной дороги, выделяющийся сочностью цвета на фоне более блеклой зелени полей и лугов.

Время от времени домики появлялись почти у самой обочины. Обычно это сопровождалось вывеской «Трактир» или «Public house» и знаком заправочной колонки.

Через несколько часов пути водитель притормозил у такого скопления домиков.

* * *

Мы втроем сидели на завалинке деревенского дома и смотрели на небо. В синеве громоздились причудливые замки кучевых облаков.

— Хорошо Дику, — мечтательно проговорил я. — Он летать может. А я, как обычно. . .
— А тебе нравится летать? — поинтересовалась Синтия.
— Угу. Только редко получается. Про это даже песня есть.
— Лу, одолжи на минутку гитару, — обратился я к эльфийке по-барлийски.
Получив вожаденный инструмент, взял несколько аккордов, чуть-чуть подстроил гитару, и начал:

Тот кто скажет, что полёты
Планетолога работа
Без сомненья вам соврёт.
Планетолог словно крот.
Все от глины до гранита
Им должно быть перерыто
И любой ползучий гад
Обязательно заснят.
От пустыни раскаленной
До заснеженных лесов
Посетить любую зону
Хоть на несколько часов.
Кто живет там, кто чем дышит
Кто чьи кости обглодал?
Если что-то не запишешь,
То не ври, что наблюдал
Но планета ку-тринадцать
Это очень редкий сорт.
Это, если разобраться,
Не работа, а курорт.
Лес растет там настоящий,
Можно воздухом дышать.
Но, увы, гораздо чаще
Встретишь ты и-тридцать пять.
Ледяные там равнины,
Аммиачные ветра,
Же — четыре с половиной.
В общем, гнусная дыра.
У костра там не собраться,
И скафандр носить изволь.
Впрочем, если разобраться,
Это лучше, чем пэ-ноль,
Где нет воздуха в помине,
Сутки длятся ровно год,
А на тёмной половине

Замерзает кислород.
Если бы по белу свету
Я б летал куда хотел,
Посещал бы я планеты
Только ку-тринадцать-эл.
Может год, а может пару
Я б на каждой погулял.
Заходил во все бы бары,
И красоток бы снимал.
Но на год меня не хватит.
Я могу вам обещать:
Денег не успею потратить,
Окажусь я на эф-пять.
Или эр-двадцать четыре,
Или ку-тринадцать-е.
Разве мало в этом мире
Интересных есть планет.

— Чье это? — спросила Луинэль тоже по-барлийски. — Барлийский оригинал — безымянный факультетский фольклор, — ответил я на родном языке Синтии. — Перевод на русский — мой.

Я вернул ей гитару, и она осталась сидеть, задумчиво перебирая струны. А мы с Синтией отправились в дом.

— А зачем ты разговариваешь с ней по-вентийски? — спросила Синтия.

— А затем что я не умею свободно разговаривать на квенья.

— А по-человечески?

— Чтобы она меня за человека посчитала? Обратись я к ней по-русски или по-английски, у неё сразу всплывут веками впитанные рефлексy, что эльфы это эльфы, а люди это люди, и людей надо держать на соответствующем расстоянии. А то сразу полезут в душу немьтыми сапогами. А так мы вроде как равные друг другу разумные существа с разных планет. Все трое.

— Но пел ты по-русски.

— Ну ты же барлийского не знаешь.

— А на песню она значит так не среагирует?

— Конечно нет. Я же говорю, реакция рефлeкторная. А если есть время подумать, то мы уже воспринимаемcя как индивидуальности, а не как представители своего народа.

— И все-таки, как эльфы на самом деле относятся к людям?

— Пойди и спроси у Луинэль. У нее сейчас настроение подходящее.

— На каком языке?

— На английском. Только не называй её «Лу», к такому обращению с твоей стороны она, пожалуй, не готова, и не титулуй «леди». «Луинэль» без «леди» будет в самый раз.

Девушки шушукались на завалинке чуть ли не всю ночь. На следующий день я заметил, что если нет посторонних свидетелей — я не в счет, Синтия совершенно спокойно называет Лу уменьшительным именем.

* * *

* * *

Еще один день в пути, еще одна ночевка в придорожной деревне.

Надвигалась самая короткая ночь в году.

Синтия и хозяйева дома отправилась спать, а мне чего-то не спалось, несмотря на жуткую усталость. Сегодня во второй половине дня я опять подменял водителя.

Впрочем, возможно именно поэтому. Я сидел на завалинке и мучал ЛЭТ, играя в какую-то примитивную логическую игру.

Вдруг дверь дома бесшумно приоткрылась, и во двор выскользнула Лу-инэль. Одета она была, похоже, только в свою зеленую майку, которая была длиной почти до колен, волосы, обычно собранные в косу, волной рассыпались по плечам.

Увидев меня, она на секунду замерла, как охотящаяся кошка, потом мягким скользящим движением оказалась рядом и спросила:

— Хочешь увидеть тайную эльфийскую магию?

— Ну если тайную, то не настаиваю. А так, конечно хочу.

— Я приглашаю. Только сними ботинки — твои ботинки грубоваты для этой ночи, и оставь компьютер.

Хорошее дело — оставь компьютер и прочую электронику. Ее у меня столько по карманам напихано...

— Кстати, Холодное Железо с собой тоже лучше не брать или мешает только Горячее?

— Холодное тоже лучше не брать.

Я сбросил комбинезон и остался в плавках и майке.

Она критически оглядела меня:

— Вот теперь нормально. Пошли.

И протянула руку.

Взявшись за руки мы углубились в лес за домом. Я старался ступать за ней след в след, прекрасно зная, что мои ноги, в отличие от нее, непривычны к хождению босиком по шишкам и сучкам. Но, похоже, здешние эльфы были действительно в каких-то особых отношениях с лесом. Ни один острый сучок не подвернулся под ногу, ни одна ветка не пересекла наш путь.

Мы спустились с пригорка и между двух огромных елей вышли в распахнувшуюся нам на встречу долину ручья, покрытую росистой травой и залитую лунным светом.

Эльфийка жестом велела мне остановиться, скинула свою футболку-платей и повесила на еловую лапу, нет отдавала на сохранение дереву.

Тремя шагами она выбежала на середину поляны, поклонилась, набрала полные пригорошни росы и растерлась ими. Потом выпрямилась, абсолютно нагая в свете Луны, и начала свой танец. У меня было такое впечатление, что я слышу музыку, а ели, между которыми я стою — это трубы органа.

Я смотрел на кружащуюся под лунными лучами Луинэль как завороченный. Сквозь танцующую фигуру, казалось, бьет из земли гигантская животворящая сила. Не сила Эроса, которую мы привыкли видеть в танце обнаженной женщины, но сила Геи или даже Кибелы.

Внезапно она остановилась, повернувшись ко мне лицом.

— Сбрось одежду, выйди на поляну и разотрись росой, — негромко приказала она. Причем это был именно приказ. Она была здесь хозяйкой, богиней, а я — гостем, которому позволено прикоснуться к древней Силе.

Растеревшись росой я почувствовал что усталость покинула тело. Я как будто заново родился. Я стоял на расстоянии вытянутой руки от нее, не зная что делать дальше. Она вновь протянула мне руку.

— Пойдем дальше. Пойма ручья не единственное место, которому нужен сегодня мой танец.

Следующим местом была терраса, поросшая липой и лециной. Потом вершина холма с настолько часто стоящими молодыми елями, что танец превратился в какое-то змеиное скольжение вокруг них. Потом песчаный пригорок с соснами, где, завершив танец, она сорвала две ягоды земляники, одну из которых вручила мне.

Потом трава под ногами сменилась голубовато белесым сухим мхом, потом я уже проваливался в этот мох по колено, ощущая под ступнями холодную воду. Как можно в таких условиях вести сложный рисунок танца?

Но ей как-то удавалось. Такое впечатление, что она ничего не весит, скользит надо мхом.

Мелодия, которая звучала у нее в голове, похоже была та же самая. Но движения обростали вариациями в зависимости от того, что это было за урочище. Впрочем сейчас, на верховом болоте, я похоже, уже мог предугадать каким будет следующее движение.

В момент, когда прозвучал последний неслышимый аккорд, она оказалась на расстоянии вытянутой руки от меня. Я непроизвольно протянул руку и она оперлась на нее.

Дыхание девушки было заметно учащенным. Видимо, левитация над сфагновыми мхами нелегко дается даже эльфам.

Когда дыхание выровнялось, она сказала:

— Ну вот и всё. Мы дошли до истока ручья. Мой долг перед этим лесом на этот сезон выполнен. Теперь я не хтоническая сила, а просто женщина.

Её слова продолжали обладать какой-то гипнотической силой. Если до этого я воспринимал ее чисто эстетически, хотя и с некоторым сакральным трепетом, то сейчас по жилам хлынуло вполне плотское возбуждение.

Она подтянула меня к себе, и моя подставленная рука превратилась в объятье.

— Не стесняйся. Кого эльфийка пригласила на Танец Солнцестояния, тому все можно, шептали влажные губы, ищущие мои.

В глазах, моих, наверное читался невысказанный вопрос представителя цивилизации, привыкшей отделять секс от деторождения уже много столетий.

— Поверь мне. Просто поверь, — прошептала она. — Я не собираюсь красть твоё семя. Потом все узнаешь. Не сейчас. Сейчас просто дай себе волю.

Не знаю, смог бы я устоять перед её напором, если бы я что-то обещал другой женщине. Но никакие обещания меня не связывали и она это знала.

Когда мы наконец смогли оторваться друг от друга и лежали рядом, едва касаясь руками, на восхитительно мягком прохладном мху, невысказанный вопрос в моих глазах, наверное появился снова.

— Андрей, — сказала она. — Я уже много веков работаю с жизнью. Причем с высшими животными. Такими же, как я сама. Неужели ты думаешь, что я чего-то не знаю о своем собственном организме.

Хотя, ты же здесь новичок. Ты не слышал легенд о героях, получавших эльфийку в жены.

— А это только легенды?

— Увы, нет. Мне один раз пришлось вот так, прожить полвека среди людей. Не то, чтобы я его безумно любила, это скорее был долг перед народом. Перед обоими народами. Но он был хороший человек, и очень нежен со мной. А потом он состарился и умер. А потом состарился и умер сын, которого я ему родила. Если бы его можно было его забрать в Хэдж, и вырастить эльфом... Но он был должен положить начало роду. Поэтому ему была предначертана человеческая судьба.

Если бы у меня хотя бы был второй ребенок от Джеральда... Но мы, эльфы, можем забеременеть примерно раз в тридцать три года. Джек родился через десять лет после нашего брака, а через сорок Джеральд был уже слишком стар. Поэтому после смерти Джеральда я вернулась в Хэдж одна.

Представляешь себе — вновь занять позицию младшей, ведь по сравнению с нашими старейшинами я и сейчас еще очень молода, после того как среди людей побыла уже бабушкой.

Ну вот, главное, что знает любой местный житель, я тебе сказала. У эльфиек возможность забеременеть есть раз в тридцать три года. И у меня следующий раз — через восемнадцать лет. Ты столько на этой планете не удержишься в любом случае. Поэтому все что между нами было и будет — только взаимное удовольствие.

— А возлюбленный среди эльфов у тебя есть?

— Нет. Если бы был, меня бы не отдали в жены человеку. Даже если бы я и он были готовы ждать срок человеческой жизни. У нас, как это ни странно, хватает эльфиек, не нашедших себе постоянного партнера для того чтобы награждать столь редких героев.

Вообще, мы слишком маленький народ, слишком хорошо друг друга знаем, и слишком редко у нас появляются новые эльфы. Поэтому если кому не свезло, то это надолго. На тысячелетия.